

Анна Хитрая

Москва

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО
КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ
ИСТОРИОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Исследование художественного языка, *слова* А.И. Солженицына — важнейший аспект изучения его произведений. Известен повышенный интерес писателя к русскому языку; язык как выражение национальных, ментальных, духовных, историко-культурных черт русского народа являлся предметом художественного и публицистического осмысления на протяжении всего творческого пути автора. Без постижения этого аспекта понять Солженицына как художника невозможно. Внимательное, вдумчивое чтение, анализ многочисленных реминисцентных ассоциаций (отсылающих в том числе и к произведениям самого автора), рассмотрение художественного значения конкретного слова позволяют выявить скрытые смыслы, осознать всю глубину авторского замысла.

В творчестве Солженицына и в современной отечественной литературе особое место занимает главное его произведение — историческая эпопея «Красное Колесо» (1937, 1965–1990). Поэтика «повествования в отмеренных сроках» (особенно «Марта...» и «Апреля Семнадцатого») более всего взаимодействует с художественным строением поздней прозы писателя: например, в его произведениях нередко «работают» одни и те же художественные *слова*. Настойчивое использование одинаковых художественных средств подчёркивает значимость для автора определённых тем и проблем, выраженных с их помощью, выявляет мировоззрение писателя.

Так, примечательно употребление слова «хлябь» в поздней крохотке «Колокольня» (1997): «И сегодня, стань на прибрежной грани, — даже воображению твоему уже не подъять из хляби этот изневольный Китеж, или Атлантиду, ушедшую на дюжину саженей глубины»¹. В миниатюре слово обладает особым значением, как будто сотканым из более ранних словоупотреблений, художественных смыслов.

В словаре В.И. Даля «хлябь» определяется как существительное, образованное от глагола «хлябать» — «качаться, шататься, стучать, брэнчать, расходиться с лишним простором». Оно означает «простор, пустоту, глубину, пропасть, бездну»². Образ «хляби» — «бездны» обыгрывается в Узле II эпопеи «Красное Колесо». Это слово произносит генерал Нечволодов, сторонник

монархии, который видит свой долг в защите императорской фамилии. Он противопоставляет себя и людей, близких ему по духу, революционно настроенным слоям общества. Противостояние героя — деятельное: Нечволодов предлагает Воротынцеву план спасения монархии, пытается убедить его в необходимости срочных действий. Рассуждая о лояльности общества к революционным подстрекательствам, он говорит: «Отрицатели всех русских начал, орда революционная, саранча из бездны! — ругательствуют, богохульствуют — и никто не смеет им возражать» (10; 435).

В речи героя образы бездны, саранчи («стадного насекомого, вредителя сельского хозяйства, перелетающего большими массами»³) сопоставляются с образом орды. Сравниваются они в двух аспектах: по числу и по тому урону, который наносят. Последний образ имеет укоренившуюся ассоциацию в сознании русского человека. Персонаж соотносит революционеров с татаро-монголами, в определённом смысле отождествляет времена — современность и прошлое. Фраза демонстрирует прозорливость генерала: предвидение грядущего разрушения и обозначение существующего разрыва внутренних связей, которые объединяют представителей разных социальных слоёв в целое — народ. В сознании героя разрозненная Россия соотносится с разобшёнными русскими городами, не сумевшими вовремя сплотиться для противостояния татаро-монгольскому игу (внешнему врагу).

Кстати, в поздней прозе Солженицын продолжает развивать это сравнение. В «Колокольне» он рассуждает о том, что Калязин, переживший нападения татар и поляков, будет утоплен «на две трети в Волге» большевиками. В двучастных рассказах отождествляются образы «орды», «нового племени», «молодняка» и «гуннов». Это сравнение показано и в исторической эпопее (вспомним восприятие Сусанной Корзнер демонстрантов — «гуннов»). Художественные слова «молодняк», «гунны» взаимодействуют со словами «саранча» и «орда», принадлежащими речи генерала Нечволодова, что обнаруживает глубокое художественное единство разных произведений А. Солженицына. Слово «орда», в свою очередь, соотносится со строкой, вероятно, известного генералу стихотворения В. Брюсова «На нас ордой опьянелой»⁴, выявляя общее в оценке грядущего поколения поэтом, персонажем и повествователем. Окказиональная синонимичность слов способствует развитию многомерности смысла каждого речевого средства, приращению дополнительных значений: звериной жестокости, массовости, разрушительной силы, в целом созданию объёмного образа — метаобраза революционеров, социалистической молодёжи (создаваемого и рассматриваемого автором на протяжении практически всей творческой деятельности).

Объёмности метаобраза саранчи, орды также способствует имплицитное сопоставление революционеров с бесами. Сравнение воплощается в словах «ругательствуют» и «богохульствуют», отражающих характерные черты общепринятого «поведения» бесов. Слово «отрицатели», произнесённое

Нечволодовым, являет *голоса* и персонажа, и автора. Оно «отсылает» читателя к романам И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского, должно быть известным генералу. Герой, как и автор, истоки происходящих событий видит в том числе и в «нигилизме», отрицании исконного, национального, традиционного. Подобное объединение значений содействует целостному восприятию художественного образа «саранчи», «орды», взаимодействующего с другим значимым образом — «бездны», «хляби».

Любопытно, что позже и сам Воротынецев использует созвучное слово, размышляя об отречении Николая II, о причинах и даже предопределённости этого события: «А уж застряв в войне, и в ней *захлебываясь*, — надо было иметь ум и мужество из неё выходить» (курсив мой. — *А.Х.*) (13; 603). Героинединomyшленники чувствуют и наблюдают упадок, «расхлябанность» общепринятых устоев: политических, экономических, моральных, нравственных, духовных и т.д. Истоки тотального разрушения Нечволодов и Воротынецев видят в разном, и оба оказываются правы.

Повествователь, художественно рассматривая тему исторической катастрофы, продолжает развивать образ «бездны» — «хляби». Он сравнивает приход к власти революционеров — «саранчи», их действия с разрушительной, расшатывающей все сложившиеся устои силой, с «пустотой», «пропастью». Авторская интенция отражается и в применении однокоренного слова «расхлябать», встречающегося в «Марте Семнадцатого» в несобственно-прямой речи министра земледелия Риттиха: «Только решимость не останавливаться перед немногими жертвами может остановить это расхлябанье» (11; 229). Слово образовано от глагола «расхлябаться»: «то же, что расшататься» (ТСРЯ; 657). Риттих призывает правительство к решительным действиям, способным предотвратить «расшатывание» устоев, падение страны в бездну. Повествовательное оформление речи персонажа в несобственно-прямую, а также изобразительная «работа» слова как в эпосе, так и в прозе позднего периода обнаруживают его принадлежность не только к речи героя, но и к речи повествователя. *Двуголосое* слово сочетает способность предвидения, пронизательность Риттиха, предупреждающего бездеятельный кабинет министров с позиций современного видения событий, и постсобытийный взгляд писателя, обладающего историческим знанием. Примечательно, что, реконструируя события начала XX века, автор использует слово «расхлябанье». Размышляя о состоянии духовного упадка страны в современном мире, он применяет слово «хлябь». То есть в Узле III эпопеи художественно воссозданная ситуация демонстрирует пребывание страны на грани падения в «бездну», в крохотках 90-х годов — пребывание в «бездне».

В «Русском словаре языкового расширения»⁵ А. Солженицына слово «хлябь» даётся в сочетании со словом «волчья» и означает «зев». В крохотке «Колокольня» «хлябь» — зев волчьей пасти — символизирует и действия большевиков, уничтожающих духовное наследие. Образ утопленной по воле

«дурных властителей» колокольно метафорически изображает канувшую в пропасть религиозность, присущую исконной Руси. О «расхлябанном» состоянии страны писатель также размышляет в крохотке «Позор» (1997): «До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взяться» (1; 563). В поздней прозе, следуя законам малой жанровой формы, принципам художественной «плотности», А. Солженицын избегает многословного описания духовного состояния России. В одном слове «хлябь» художник совмещает значения расшатанности, пустоты, бездны, деградации, создавая чрезвычайно ёмкий образ.

Слово «хлябь», его словоформы и синонимы, использованные в речи разных героев исторической эпопеи и самого автора-повествователя в поздней прозе, передают основную мысль автора — наблюдателя и участника исторического процесса о погружении страны в пропасть, об упадке национального самосознания, о духовности и нравственности. Рассмотрение этой темы в произведениях различных жанровых форм, созданных в разные периоды творчества, подчёркивает особую значимость для Солженицына тем разрушения и возрождения национального самосознания, «сбережения народа».

Примечательно также использование общеупотребительных слов «наши», «они», «мы». В художественном мире Солженицына эти местоимения становятся средством выражения народного разобщения.

Два полюса российской социальной действительности изображены во многих произведениях писателя, с особым вниманием — в эпопее «Красное Колесо». Например, в Узле П:

«Но сердце к своему привязано, ноет: н а м не нужна эта война. <...>

<...>

— Начальство пора менять. И чего царь-батюшка смотрит? — пора их в шею гнать.

Их! — это ясно отделялось в солдатском сознании. И страшно то, что *они* не придуманы были, а существовали — возвышенный, правящий, нажиревший, забывшийся, дремлющий слой. *Они* умудрялись плавать как-то над войной, позабыв, не сознавая свою жгучую ответственность» (9; 129–130).

Повествователь противопоставляет военных чиновников и простых солдат и офицеров. Так он демонстрирует внутренний, мировоззренческий разлад представителей народа, посланного на напрасную гибель, и представителей власти политической и военной, пославшей их. В романе антитеза «начальства» и солдат / боевых офицеров выражается графически: «они» — офицеры штаба — обозначаются курсивом, «мы» — солдаты и боевые офицеры — маркируются разреженным шрифтом. Противопоставлены не только «начальники» и солдаты, но и офицеры, разделяющие точку зрения солдат, что выражено в речи повествователя. Слова, комментирующие высказывание солдат: «это ясно отделялось в солдатском сознании», — принадлежат автору, однако дальнейшая речь, содержащая оценочные характеристики военного руковод-

ства, сочетает взгляды повествователя и офицеров (старших: Воротынцева, Крымова, Нечволодова — и младших: Лаженицына, Харитонов), выраженные в контексте всего произведения.

Двуплановое выделение, применённое в Узле II, соотносится с графической актуализацией, использованной в прозе 90-х годов. Употребление одного способа графического маркирования слов, выявляющих общественное расщепление, свидетельствует о художественном и идейном взаимодействии произведений («Красного Колеса» и двучастных рассказов) Солженицына.

В рассказе «Молодняк» (1993) представителем вышеупомянутого «невиданного племени» изображается Коноплёв, студент и в скором времени следователь ГПУ. Попадая в дом культуры на лекцию «О задачах нашей молодёжи», он приходит в восторг от её содержания, от организации вечера и думает: «<...> это — мы, тут — все н а ш и, все мы заодно. Как говорят: строители Нового мира. И от этого у каждого — тройная сила» (1; 339). В данном случае слова «мы» и «наши», принадлежащие речи Коноплёва, выделены разреженным шрифтом. Графическая актуализация, являясь способом, в частности, экспрессивного выделения слова, определяет восторженное отношение персонажа к происходящему, а также его политическую и социальную принадлежность. Коноплёв относит себя к социалистической молодёжи, защищающей и развивающей интересы «молодого» государства.

В двучастном рассказе «Эго» (1995) следователь ГПУ, вероятно дворянского происхождения, Обоянский, классово и, видимо, внутренне чуждый новой доктрине, во время допроса доказывал «сочувственно» Эктову: «<...> они всё равно победят, <...> против них никто не может устоять и в России и в целом мире <...>» (1; 287). Выделенное курсивом слово «они», в одном из значений определяющее отдалённые лица как «осуждаемые» (ТСРЯ; 453), противопоставлено по смыслу слову «наши»: «принадлежащие нам, имеющие отношение к нам» (ТСРЯ; 400). Обоянский формально относится к представителям «аппарата», защищающего государственные интересы, поэтому фактически должен был бы говорить о «них» как о «нас» (что выделялось бы с помощью разрядки). Будучи особой «нежного вида» и «голубой крови», внутренне он относит себя к пострадавшим от них, поэтому говорит о своих — наших как о них — чужих (что отражено в маркировании курсивом).

Герои, противопоставленные «молодняку», способные к духовному росту, в двучастных рассказах также названы «наши». В рассказе «На изломах» (1996) главный герой Алексей Толковянов, узнав об успехах группы физиков, восхитился: «А всё-таки — н а ш и, русские придумали!» (1; 441). В этом случае графическое выделение смыкается с интонационным. Этот приём способствует воплощению радости и гордости, которые испытывает герой, в прошлом физик. Оценивая помощь государства в этом исследовании, он подумал: «От наших — никакой поддержки, им — всё спустя рукава, лишь бы свои карманы набить» (там же). В рассказе представители государственного аппарата

не осознают «своей жгучей ответственности» перед учёными и в деле промышленного, экономического развития страны. Анализируя сложившуюся ситуацию, Толковянов называет «нашими» русских учёных-единомышленников и представителей государства. Себя он относит и к тем, и к другим — гражданам одной страны, внутренне противопоставляя себя и единомышленников представителям государственной структуры. Семантическая актуализация слова объединяется с графической: чиновники — наши — выделены курсивом, единомышленники — наши — обозначены разреженным шрифтом. В этом же рассказе другой герой — Емцов, размышляя о судьбе партии, восклицает: «Но — партия была наш Рычаг. Наша Опора! А её вышибли» (1; 418). В данном случае слово графически не актуализируется, Емцов относит себя к двум полюсам действительности, он растерян и страдает от разрушения привычного ему мира.

Таким образом, в эпопее «Красное Колесо» и некоторых двучастных рассказах отражены два центра исторической действительности: государство и народ. Все «с в о и» графически выделены разреженным шрифтом, все «чужие» — курсивом. Наши (представители народа) — порядочны, духовно стойки, способны к нравственному совершенствованию. Наши (правящая «элита» или долгожданные «гунны») — дерзки, жестоки, нередко беспринципны.

Писатель выделяет разным шрифтом местоимения, определяющие некую психосоциальную категорию русских людей. А.И. Солженицын, опираясь на эстетический принцип *остранения*, изменяет привычный «облик» слова, как будто отвлекается от его первоначального значения. Выделенное по-разному, оно оказывается способным отразить глубинную социальную проблему. В рассказах «Эго», «На краях», «Молодняк» биполярное изображение доминирует, что обусловлено ситуацией раскола страны. Антитеза «власть—народ» является важным элементом художественно воссозданной реальности. Причины, приведшие к тотальному разобщению различных социальных групп, к многополярности общества, писатель подробно исследует в эпопее «Красное Колесо». Использование графического изменения облика позволило А. Солженицыну *деавтоматизировать* восприятие художественного слова, выявить скрытые смысловые оттенки, заключённые в контексте всего произведения (нескольких произведений).

Графическая актуализация, употребление словоформ и синонимов (в том числе контекстуальных) одного многозначного слова способствуют созданию объёмных, значимых образов, выявляют художественное взаимодействие исторической эпопеи и поздних произведений писателя. С точки зрения всего творчества панорамное, данное в исторической перспективе (посредством особых повторяющихся слов) изображение глобальных социально-культурных, ментальных процессов демонстрирует широту духовного, художественного *зрения* автора. Историософские взгляды Солженицына воплощаются в словах «хлябь» и «наши». С их помощью автор оценивает проблемы совре-

менности, выражает точку зрения на исторические события. По мнению писателя, национальное возрождение возможно только после духовного, нравственного очищения каждого человека и всего народа. Слово А. Солженицына отображает семантическую (образную, символическую) связь между текстами раннего и более позднего периодов его творчества; выступает формой выражения историософских, нравственно-этических, религиозных, социально-культурных воззрений писателя.

Примечания

¹ Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 560. Далее цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

² См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. Т. 4. С. 554.

³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995. С. 697. Далее цитируется это издание, обозначенное как «ТСРЯ», с указанием в скобках страниц.

⁴ См.: Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М.: Худ. лит., 1973. Т. 1. С. 433.

⁵ См.: Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 256.